УДК 82–1
ББК 84 (2Рос=Рус)6.5

Сергей Михайлович Казначеев,
кандидат филологических наук, доцент,
Литературный институт им. А. М. Горького
(123104, Россия, г. Москва, Тверской бул., 25)
e-mail:skazn@yandex.ru

Концепт «братство» как этический завет Достоевского

Итоговый роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в многогранном творчестве писателя занимает особое место и служит его своеобразным духовным завещанием.

Вначале автор совершает краткий экскурс в идейное содержание предыдущих романов, рассматривает эволюцию его взглядов на общественно-политическую проблематику жизни России в XIX веке. На этом фоне разворачивается действие всех произведений писателя, который всегда особо пристальное внимание уделял семейным вопросам. Взаимоотношения между близкими людьми предельно волновали русского классика,в них он видел отражение процессов, происходящих в государстве и обществе. С. М. Казначеев подчёркивает, что будучи тонким психологом, Достоевский с потрясающим мастерством показывает изломы человеческих судеб и особенности поведения людей в конфликтных ситуациях. Особенно ярко их высказывания проявляются на уровне братского чувства.

В центре внимания автора статьи находится проблематика концепта «Братство», присутствующего в творчестве великого писателя-реалиста. С. М. Казначеев рассматривает различные проявления чувства родства у героев Достоевского. Литературовед обращает пристальное внимание на то, что в истории фольклористики нередко фигурировали люди, состоявшие между собой в близком родстве: братья Гримм, Веселовские, Аксаковы, Киреевские и др. Таким образом, делается вывод о том, что чувство личного единения помогало им глубже понять принципы народной эстетики. Особое внимание уделяется утрате единства между людьми, что сам писатель воспринимал как грозное предзнаменование грядущих общественно-политических катаклизмов. В заключительной части статьи бросается взгляд в последующее развитие русской литературы, где многие писатели, наследники традиций Достоевского, своей важной задачей считали изображение семейных отношений между близкими людьми.

Ключевые слова: братство, любовь к ближнему, темперамент, фольклор, завет.

Sergey Michaylovich Kaznacheev,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Literature Institute named after A. M. Gorky
(25 Tverskaya st., Moscow, Pussia, 123104)
e-mail: skazn@yandex.ru

The Concept of «Brotherhood» as Dostoyevsky's Ethical Covenant

The final novel by F. M. Dostoyevsky «the Brothers Karamazov» holds the special place in the multifaceted writer's creativity and is his unique spiritual Testament.

The author makes a brief excursus into the ideological content of the previous novels, examines the evolution of his views on socio-political problems of life in Russia in the 19th century. In this context, the actions of all writer' works are done, and the author paid special attention on the family issues. Relations between close people were extremely the point to the writer to worry about, where he saw a reflection of the processes taking place in the state and society. S. M. Kaznacheyev emphasizes that being subtle psychologist Dostoevsky with stunning craftsmanship shows the kinks of human lives and people's behavior in conflict situations. Especially brightly their statements appear at the level of brotherly feelings.

In the center of author's attention is the problem of the concept «Brotherhood» presented in the work of the great realist writer. S. M. Kaznacheyev considers different manifestations of the spirit of Dostoevsky's heroes. Literary critic draws attention to the fact that in the history of folklore there were people being close relatives: the brothers Grimm,

© С. М. Казначеев, 2014

Veselovskys, Aksakovs, Kireevskie etc. Thus, the conclusion is that the sense of personal unity helped them to understand the principles of folk aesthetics. Special attention is paid to the loss of unity among people, that the writer perceived as a dangerous portent of the coming of the public-political cataclysms. In the final part of the article the attention is paid to the further development of the Russian literature, where many writers, the successors of Dostoevsky' traditions, understood the depiction of the family relations between close people as an important task.

Keywords: brotherhood, love of neighbor, temperament, folklore, Covenant.

Итоговый роман Достоевского «Братья Карамазовы», оконченный за несколько месяцев до смерти, стал духовным завещанием писателя. Сочинение публиковалось по частям в «Русском вестнике» (1879–1880 гг.), но автору посчастливилось увидеть его и в отдельном издании. В нём он постарался выразить наиболее концептуальные взгляды, бросить взгляд в будущее, создать книгу, которая помогла бы разобраться в себе и своих соотечественниках.

В истории русской литературы трудно найти другого автора, чьи произведения были бы так неразрывно и многообразно связаны между собою. Достоевский всегда ставил самые насущные и принципиальные проблемы жизни общества. При этом потрясающее эстетическое чутье и колоссальный художественный талант помогали избегать публицистичности. Актуальные вопросы получали глубоко прочувствованное, образное воплощение.

В «Бедных людях» и «Униженных и оскорблённых» остро сформулирована проблема социальной справедливости, а вернее – несправедливости, ибо в мире писатель обнаружил устрашающий контраст условий бытия: одни обладают всем, купаются в роскоши, не знают, куда девать избыточные капиталы, другие – едва сводят концы с концами, пребывают в нищете, балансируют на грани жизни и смерти.

В «Преступлении и наказании» показано, к каким страшным результатам способно привести насильственное преобразование жизни. Государственные, экономические и нравственные перекосы должны изживаться, но путь насилия (топор, которым убиты старуха-процентщица и её сестра, кричаще напоминает о популярной тогда идеологеме – «зовите Русь к топору»), избранный Раскольниковым, приводит не к чаемому результату, а превращает его жизнь в кошмар. Лишь мучительный путь нравственного и религиозного раскаяния возвращает героя к самому себе, но и это не компенсирует душевных страданий: в финале он всё-таки выглядит психологически опустошённым.

В «Идиоте» ставится вопрос воплощения человека, в полном смысле слова положительного. Оттолкнувшись от образа Дон Кихота и пушкинского рыцаря бедного, Достоевский создаёт характер князя Мышкина и показывает, как трудно приходится такому человеку. «Игрок» рисует картину жизни героя, подверженного роковой страсти – азарта, завсегдатая казино. Игра оказывается началом, которое полностью подчиняет себе поведение человека, делает его заложником и рабом своих привычек. «Подросток» раскрывает пропасть, разверзающуюся перед человеком, ориентированным на материальное процветание.

В «Бесах» наглядно демонстрируется, какими опасностями обладает стремление «передовых, прогрессивных» людей перекроить мир согласно собственным представлениям. Методы и средства, используемые революционерами для достижения своих целей (идея С. Нечаева пустить судорогу по России), заставляют задуматься об экзистенциальных, «проклятых» вопросах жизни и смерти.

В «Карамазовых» общественно-политическая, нравственно-социологическая, религиозная проблематика достигает кульминации. Ключевым концептом для понимания романа служит его название «Братья Карамазовы». Братья… Братство…

Символический, многомерный смысл понятия родственных связей здесь, конечно, налицо. В большинстве религиозных систем мира есть положение, в общей форме звучащее как «Все люди – братья» (в противоположность атеистическому девизу «Человек человеку – волк»). И, если исходить из библейской космогонической модели, все мы – действительно братья, так как происходим из единого корня, каким бы он

ни был – праотец Адам или нечто иное. Современные научные данные (геном человека) вполне согласуются с этой гипотезой.

Апостолы обращались друг к другу со словами «брат, братие». Так же именовались и ныне обращаются друг к другу монахи. Братство было исходным принципом многих человеческих сообществ. Но в той же Библии есть и футурологический прогноз, смысл которого состоит в том, что, будучи братьями по крови, жители земли утратили взаимопонимание и чувство родства. И не в том дело, когда это началось – с убийства Каином брата Авеля или с Вавилонского столпотворения – это привело и ещё приведёт к непоправимым последствиям: в Священном писании ясно указывается, что в конце времен произойдут катаклизмы, когда род восстанет на род и брат станет враждовать с братом: «Предаст же брат брата на смерть, и отец детей; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (3, Марк, 13, 12).

К сожалению, со временем концептуальные слова «брат, братство» постепенно утрачивали возвышенное значение. История Великой французской революции с ее деяниями бросила тень на понятие «братство». Приложило руку к дискредитации этого концепта и масонство. Братья-разбойники Шиллера и Пушкина добавили негатива. Кстати, и Шиллер, и Пушкин крайне важны для понимания романа в целом. Братство в двадцатом веке стало эффективным методом манипуляций массами («Белое братство» и т. п.).

Достоевский скорбит, что среди братьев нет согласия, понимания, нет искреннего контакта. Двумя десятилетиями ранее внимание русского читателя было привлечено к роману Тургенева «Отцы и дети». Его автор выявил неразрешимые противоречия между поколениями. Дискуссия, развернувшаяся в критике, показала, что писатель попал в точку. Трагическое непонимание между старшей и младшей генерацией сосуществующих людей, ярко изображенное Тургеневым, вызвало целый поток откликов.

В «Братьях» главный акцент сделан на горизонтальных семейных связях (именно сложные, противоречивые, почти антагонистические взаимоотношения между Дмитрием, Иваном, Алёшей Карамазовыми и их единокровным слугой Смердяковым лежат в основе книги), но он не отменяет и вертикальной оси координат. Повествование начинается с описания «Истории одной семейки», где главная роль отведена главе клана – Фёдору Павловичу, да и впоследствии именно вокруг его имени будет закручена основная интрига романа – вероятное отцеубийство.

Этот персонаж наделен Достоевским его собственным именем. Случайно ли то обстоятельство, что писатель и резко отрицательный персонаж являются тёзками? Но на вершинах мирового искусства нет места случайности. И, принимая такое решение, искушённый автор, возможно, отчасти совершает акт покаяния. Суть не в том, что именно приводит его к раскаянию. Важнее понять: он не снимает с себя и своего поколения ответственности за то, что происходит в семье и мире.

Фамилия неординарного семейства также, несомненно, говорящая. Тюркский корень «кара» значит «чёрный», но и прямое русское значение тут оказывается к месту (кара, наказание, а где наказание, там и преступление; так писатель отсылает нас к иному тексту). Мазанные чёрным (Карамазов), как ворота – дёгтем, персонажи Достоевского генетически несут в себе черты наказания свыше, кары небесной, наслания Господнего. Тема для русской классики XIX в. весьма популярная (вспомним, к примеру, «Грозу», где Островский заставляет Катерину принять смерть под воздействием высших сил). Полезно вспомнить знаковую фигуру Дмитрия Каракозова, открывшего прицельную пальбу по императору, ведь для русской истории его выстрелы стали переломным моментом, сигналом к началу активной деятельности террористических групп и борьбы правительства с ними. После него был закрыт и флагман демократической журналистики «Современник». Словом, имя одного из героев романа – Дмитрий – явно намекает на историческое лицо.

Кого же из братьев можно назвать главным героем романа? Понятие братства подразумевает также и равенство. Кто из Карамазовых «равнее» других? Оруэлл в свое время посмеялся над этим в «Скотном дворе».

В дебюте Достоевский называет главным персонажем своей книги брата Алексея Фё-

доровича. Это подтверждается и концовкой. И могло быть утверждено в дальнейшем, коль скоро писателю удалось бы довести до конца свой стратегический замысел. Да, Алёша Карамазов – герой привлекательный, почти святой. Но эта святость условна. Когда Иван рассказывает ему историю про помещика, затравившего мальчика охотничьими собаками, Алёша выносит совсем не христианский вердикт: «Расстрелять!». Достоевский никогда не писал о том, чего не было (исходный принцип реализма). Но в реальной ситуации, которая легла в основу этого эпизода, собаки оказались гуманнее своего хозяина и, догнав ребенка, только обнюхали и не тронули его. Писателю важно было драматизировать историю.

Второй момент, связанный с этой нравственной дилеммой, был прокомментирован через полвека. Иван Ильин, разбирая толстовскую концепцию непротивления злу насилием, напишет о том, что мы дожили до такого времени, когда требуется возрождение христианского учения о мече. По мнению мыслителя, человек, берущий в руки оружие для борьбы со злом, не праведен, но прав. Реплика Алёши Карамазова согласуется с этим выводом.

Алёша генетически несёт в себе и иные черты карамазовского отношения к жизни, он ведь тоже – родной сын Фёдора Павловича, о котором прокурор скажет: «духовная сторона вся похерена, а жажда жизни чрезвычайная» [2, 2, с. 447]. Что же лежит в основе этого самого карамазовского характера? Здесь следует назвать неуёмность, восприимчивость человеческой души. Даже самый спокойный и рассудочный из братьев – Иван, и тот способен на поступки роковые, идущие из глубин его бессознательного: сама любовь Ивана к Катерине Ивановне несет в себе черты умопомрачения. Алёша при всей своей обращённости к религии, морали и дидактике обладает колоссальной энергией самовыражения.

Но первую скрипку здесь играет всё-таки Дмитрий. Митя Карамазов, что бы ни утверждал сам автор, конечно, главное звено сюжета. Его противостояние отцу вынесено в качестве завязки произведения. Попытка примирения с ним лежит в основе повествования. Поклон ему старца Зосимы составляет фабульную загадку «Братьев Карамазовых», разъясняемую только ближе к финалу. Его импульсивные и демонические действия находятся в кульминации книги. Энергетика его поступков держит читателя в напряжении на протяжении всего текста.

Принято считать, что прототипом Мити является личность Аполлона Григорьева, сотрудника журналов «Время» и «Эпоха», издаваемых братьями Достоевскими, почвенника и родоначальника «органической критики». Экспансивность его характера впечатлила Достоевского. Разгульный образ жизни, искренность, доведенная до последней крайности, безоглядное поведение – всё это выразилось в облике Мити Карамазова. Аполлон Григорьев не только пылко и пламенно изъявлял себя в творчестве, но и в практическом, бытовом плане его поступки были далеки от рассудочности. И всё же Ап. Григорьев не может быть полностью идентифицирован с инфернальным обликом Дмитрия.

Он действует сильно, ярко, пылко, как порох. Быстрота психологических реакций определяют его портрет. Экстравертный характер движет всеми его поступками – добрыми, злыми, бесшабашными. Но и он – родной сын своего отца и имеет определённую долю пороков его: Митя необуздан в наслаждениях, он способен на отчаянный поступок (отца не убивал, но ударил медным пестиком по голове слуги Григория и только случайность отвела от него обвинение в убийстве), в словах его мы часто не можем отделить правды от лжи. Страстная натура молниеносно меняет настроение, темперамент пугает и заставляет содрогнуться.

В беседе с младшим братом Митя образно означает суть их фамильного характера: «И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это – бури, потому что сладострастье буря, больше бури! Красота – это страшная и ужасная вещь!.. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут» [2, 1, с. 149].

Отношение к искусству – индикатор для понимании всей парадигмы человеческих поступков. Как мы реагируем на произведения искусства, так и поступаем в реальной жизни. Если реакции эти эмоциональны, то и в поступках будет та же интенция.

Дмитрий и сам чувствует запредельность собственных переживаний и деяний: «…широк человек, слишком даже широк, я бы су-

зил» [2, 1, с. 149]. Эта формула применима прежде всего к нему самому. Если взглянуть на метания Мити со стороны и с холодным вниманием, станет ясно: прямота и резкость его побуждений во многом эгоистична и главное – приносит страдания окружающим. Прокурор прав, когда даёт Дмитрию характеристику: «…мы непосредственны, мы зло и добро в удивительном смешении… мы бушуем по трактирам и вырываем у пьянчужек, собутыльников наших бородёнки… мы даже обуреваемы… благороднейшими идеалами, но только с тем условием, чтобы… за них ничего не платить. Платить мы ужасно не любим, зато получать очень любим… О, дайте, дайте нам всевозможные блага жизни… Мы не жадны, нет, но, однако же, подавайте нам денег, больше, больше, как можно больше денег, и вы увидите, как великодушно, с каким презрением к презренному металлу мы разбросаем их в одну ночь в безудержном кутеже…» [2, с. 450].

Правда, расплачиваться Дмитрию Фёдоровичу всё же пришлось: пророчества старца Зосимы оправдались в полной мере: судебное разбирательство завершается жестоким и, получается, несправедливым приговором. Но в личности Дмитрия есть онтологическая привлекательность. Он не фальшив, не подл, не юлит в самых критических ситуациях.

Совсем другое дело – брат Иван Федорович, рождённый другой матерью и обладающий иным складом характера. Писатель словно намеренно выстраивает перед нами цепочку персонажей, олицетворяющих различные психологические типы. Иван – интроверт, он погружён в себя, скрытен, ироничен, рассудочен. Его поступками руководят ум, логика, сознание. Карьера публициста, пишущего на тему религии и церкви, намечена в романе пунктиром. Важнее для автора то, что происходит в душе Ивана, чья трагедия в отсутствии веры. Он пытается при помощи логики ответить себе и другим на самые важные вопросы существования. Но есть сферы человеческого духа, над которыми рассудок не властен. Иван не желает с этим мириться и жестоко страдает от внутренних противоречий. Сфера его отрицания не ограничена сферой богоискательства: он отрицает не только высшее начало, но и само мироздание, по воле этого начала сотворённое.

Считается, что при создании этого образа Достоевский использовал в качестве частичного прототипа личность Вл. Соловьева. В те годы писатель был близок с философом. А. Достоевская (Сниткина) вспоминала: «Чтобы хоть несколько успокоить Фёдора Михайловича и отвлечь его от грустных дум, я упросила Вл. С. Соловьёва, посещавшего нас в эти дни нашей скорби, уговорить Фёдора Михайловича поехать с ним в Оптину пустынь, куда Соловьёв собирался ехать этим летом» [1, с. 346].

Но посещение монастыря, бывшее давней мечтой писателя, позволило ему не только отвлечься от мрачных дум, не только собрать материал для будущего романа (жизнь старцев и монахов в пустыни), но и разглядеть в своем спутнике яркие личностные свойства. Иван, как и Соловьёв, сочиняет статьи, он – мистик, исследователь тайного знания. Но в облике этого разностороннего человека Достоевский разглядел и противоположные черты, проявлявшиеся в иные минуты: смирение, кротость, любовь к ближнему. В итоге Соловьёв отчасти послужил прототипом и другому брату – Алёше.

Иван и сам литератор. Поэма «Великий Инквизитор», разговоры с Алёшей и галлюцинации, которые выливаются в диалоги с чёртом, показывают крайнюю степень человеческого неверия. В жизни немало таинственного и мистического, и можно предположить, что герой Достоевского в реальности контактировал с нечистой силой. Для писателя эта фигура была важна в идеологическом отношении: он наблюдал, как в окружающем мире стремительно нарастают атеистические тенденции. В литературе, науке, политике, быту общим поветрием становится отрицание Божественного начала. Сам Достоевский далёк от такого мировосприятия. Но для того, чтобы оспорить эту точку зрения, он влагает в уста Ивана всю силу полемического убеждения.

В записных книжках писателя от 1881 года находим следующее откровение, адресованное его идейным оппонентам: «И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я. Им ли меня учить.

Черт. (Психологическое и *подробное* критическое объяснение Ив. Федоровича и явления черта.) Ив. Ф-ч глубок, это не со-

временные атеисты, доказывающие в своем неверии лишь узость своего мировоззрения и тупость тупеньких своих способностей» [2, 1, 13].

Но Иван наряду с умственными способностями проявляет и чисто карамазовские черты: жажда жить и необузданный темперамент, который и приводит его в концеромана к душевному кризису.

Важна роль Ивана в развитии сюжета. Это разъясняется не только в результате кровавой развязки с отцом. Особую роль приобретают отношения Ивана не только с Алёшей, но и со Смердяковым.

Сын Лизаветы Смердящей, предположительно всё от того же не брезговавшего никем Фёдора Павловича, «Личарда верный» Ивана Фёдоровича, доморощенный философ – «заговорившая валаамова ослица», эпилептик, то истинный, то фальшивый; лакей, приводящий в исполнение чужие намерения. Наслушавшись речей Ивана, Смердяков совершает своё преступление. Но о том, что Фёдор Павлович достоин смерти, говорил и Дмитрий («Зачем живет такой человек?»). Хотя утверждать виновность Смердякова со стопроцентной уверенностью тоже нельзя.

Отдельная тема – женщины Достоевского. Писатель рос в большой семье, родственные связи отразились в его романах: в «Идиоте» предлагается набор родственных отношений между близкими людьми. В «Братьях» так же мы имеем дело с яркими личностями женского пола: Грушенька, Катерина Ивановна, г-жа Хохлакова, Лиза… Они воплощают концепт «инфернальниц», но на переднем плане здесь не гендерные, а общечеловеческие проблемы.

Отметим, что Достоевский показывает ситуацию, когда от порочного, взбалмошного, отвратительного отца хотят избавиться практически все его дети. И если в «Отцах и детях» в жертву был принесён сын, то здесь жертвой определён отец. Но это не приносит облегчения никому. Дмитрий осуждён. Иван душевно сломлен. Смердяков покончил с собой. Лишь одного Алёшу в финале романа мы видим в окружении детей, которым произносятся обращённые в грядущее заветы добра и веры.

Этот оптимизм не умаляет трагического, тревожного настроения, идущего от понимания, что в товарищах, даже *братьях* нет согласия. И на этом факте стоит остановиться особо. Бросив беглый взгляд на русскую литературу XIX в., заметишь, что большинство героев её страшно одиноки, лишены близких, понимающих людей. Онегин, Гринёв, герой «Медного всадника», Печорин, Арбенин, Бельтов, Рудин, Инсаров, Базаров, Обломов, Райский, Раскольников, Версилов, Ставрогин… Редко наши писатели наделяют своих героев полнокровными родственными связями, теплыми братскими отношениями. Чаще они пребывают в духовной и психологической изоляции.

Практически, лишь Толстой последовательно исследовал эту горизонталь общественного мироустройства. Впрочем, контакты между братьями и сёстрами в его книгах тоже не отличаются особой теплотой: ни в автобиографической трилогии, ни в «Войне и мире», ни в «Анне Карениной» близкие родственники редко питают друг к другу нежные искренние чувства. Вырастая, братья-сёстры разлетаются из родительского гнезда и редко соотносятся друг с другом

Достоевскому удалось вывести эту проблему на новый уровень. Если мы знаем, что все люди братья, то почему настоящие братья не любят друг друга? При этом, исследуя этот концепт, писатель имеет в виду, разумеется, не только прямое толкование. Он говорит о глубинных отношениях между представителями одного этноса, между родственными народами. В годы военных событий на Балканах вновь и вновь становился актуальным вопрос о возможности единения славян: русских, сербов, болгар. Мечты писателя о славянском Константинополе, о возрождении византизма были не утопическими упражнениями ума: Достоевский реально стремился если не к государственно-политическому, то к духовному единению братьев по крови. Он понимал, что в обозримом будущем это вряд ли возможно. Но думать об этом надо было уже тогда.

Какие пути виделись наиболее продуктивными? Прежде всего – обращение к духовному стержню народной культуры. Здесь для него неоспоримым авторитетом обладали русская православная Церковь и фольклор, ведь в храме прихожане зовутся братьями, а народные сказания напоминают нам о едином истоке, происхождении, языке, духе.

Человек, витающий в этих сферах, видит в своих предках одновременно и братьев. Важный момент: среди известных фольклористов часто встречались родные братья. Вспомним братьев Гримм, которые не столько писали, сколько собирали и обрабатывали народные сказки; братьев Киреевских, Ивана и Петра; братьев Аксаковых – Константина и Ивана; теоретиков литературы, изучавших процессы, происходящие в народной эстетике – братьев Веселовских, Александра и Алексея. По-видимому, живое братское чувство помогало им воспринимать идущие из глубин народа духовные токи.

У славянофилов братское начало было определяющим. Хомяков вспоминал, что «был в славянских землях принят, как любимый родственник… как друг и брат», а в «Послании к сербам» [4, 155], им составленное и подписанное единомышленниками (1860), указывал на необходимость славянского объединения: «Грех было бы и стыд, если бы наш опыт не послужил в пользу младшим братьям нашим, вступающим в новое поприще жизни общественной… Вы, братья, пополните недосказанное, исправьте ошибочное, а слова наши, слова от сердца и любви, примите с любовью и благоволением» [4, с. 367–368].

Достоевского волновали не только геополитические и этнологические проблемы. Вместе с Соловьёвым они изучали трактат мыслителя Н. Федорова «Философия общего дела», где перед человечеством ставится задача воскресить всех предков (отцов), благодаря кому живут нынешние поколения. Разумеется, они не могли полностью разделить механистических и далеких от христианства идей Федорова, но общий пафос всемирного братства был им близок и понятен.

Намеченная в XIX в. идея родства оказалась определяющей для последующего развития нашей литературы. Родственное, братское начало стало магистральным направлением. «Сестры» – озаглавит А. Н. Толстой первую часть «Хождения по мукам» (аллюзии на роман Достоевского тут несомненны); «Мать» – роман М. Горького откроет эпоху социалистического реализма; женой назовёт свою родину А. Блок; антиутопией «Мы» Е. Замятин отметит ампутацию родственных чувств государственной машиной; «Третий сын» – озаглавит А. Платонов один из наиболее глубоких рассказов; «Сестра моя – жизнь», – скажет Б. Пастернак; «Братья и сестры» – станут темой романного цикла Ф. Абрамова… Энергией родственных отношений пронизаны произведения М. Шолохова, М. Булгакова, В. Шукшина, В. Белова, В. Распутина…

Достоевский обладал поразительным пророческим даром, многое он предвидел и предрёк. Но оптимистический финал романа, увы, не воплотился в истории, будущность России в XX в. оказалась не столь светлой и братолюбивой. Часто преобладало не благое, идущее от Алёши, а тёмное карамазовское начало.

Власть в свои руки нередко брали потомки тех бесов, о которых предупреждал писатель. А к концу столетия во главу угла вместо национально-государственной идеи был поставлен золотой телец материального процветания. Карамазовские сладострастники, преступники, чревоугодники и воры никуда не сгинули, а правят бал в мире. Опасения Илюши Снегирёва, который говорил своему отцу: «Папа… ведь богатые всех сильнее на свете…» [2, 1, 270], пока что сбываются. Но сражение между светлыми и тёмными силами мироздания за душу человеческую ещё не окончено. Верить в будущее, в грядущую победу добра и великодушия должно помочь восстановление чётко обозначенного писателем концепта «Братство». В этом и состоит главный завет, оставленный нам в «Братьях Карамазовых».

Список литературы

1. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: в 2 т. Предисловие и комментарии С. М. Казначеева. М., Терра, 2007.
3. Новый Завет. Синодальное издание.
4. Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988.

References

1. Dostoevskaja A. G. Vospominanija. M., 1987.
2. Dostoevskij F. M. Brat'ja Karamazovy: v 2 t. Predislovie i kommentarii S. M. Kaznacheeva. M., Terra, 2007.
3. Novyj Zavet. Sinodal'noe izdanie.
4. Homjakov A. S. O starom i novom. M., 1988.

Статья поступила в редакцию 30.10.2013